

— Хватит.

— Я не закончил! Нужно объяснение...

— Профессор! Пациент поступает!!

Когда атмосфера накалилась, медсестра в травматологии повысила голос.

— Поговорим позже.

Чхве Чжунхан развернулся и ушёл, не сказав ни слова. Как раз в этот момент пациент на каталке жаловался на боль. Я пошёл встречать пациента из скорой, а Чхве Чжунхан приблизился к тому, кто стонал от боли.

Тем временем дверца скорой открылась. Фельдшер делал непрямой массаж сердца пациенту, который был весь в крови.

Закатив пациента в процедурную, я понял, что всё серьезнее, чем думал. Оценив состояние, я громко крикнул — как до этого медсестра:

— Эй! Чхве Чжунхан!! Быстро сюда!

Извинившись перед пациентом, Чхве Чжунхан поспешил ко мне.

— Будем интубировать! Срочно три пакета крови RH+O. Давайте быстрее!

— Что случилось? Что произошло?

— Ты вовремя! Меняйся, становись!

— Есть!

Когда фельдшер отошёл, Чон Уиль быстро забрался на пациента. Протянув руку, медсестра подала мне скальпель. Мы закончили интубацию как раз вовремя. Сердце пациента всё ещё не подавало признаков жизни.

— Меняйся.

Чон Уиль быстро спустился, я забрался вверх. С каждым движением я слышал хруст рёбер.

— Пациент очнулся!

— Ха, ха... Хорошо. Набор для центральной вены готов? Делайте немедленно.

Шатаясь, я спустился и оценил состояние пациента. Сзади я слышал голоса фельдшера и плачущей девушки — его девушки. Они сказали, что шли по улице, парень задел плечом кого-то, началась ссора, и вдруг тот выхватил нож и ударил.

Это было что-то вроде случайного нападения, и у нападавшего было психическое расстройство в анамнезе. Надев медицинские перчатки, я ввёл палец в рану. Когда я нажал, кровотечение из раны в брюшной полости быстро остановилось.

Когда я ввёл палец во вторую рану, кончик обожгло тепло — палец окрасился свежей кровью. Как только мы начали переливание, кровь хлынула прямо по краю раны.

Пол был залит кровью. Чхве Чжунхан сумел поставить центральный венозный катетер под правой подключичной веной. Мы быстро вводили жидкости, но ничего не менялось.

— Дайте ещё один набор для центральной вены.

Я поставил ещё один катетер справа на шее. Казалось, мы льём воду в бездонную бочку. Интересно, не затем ли сегодня было мало пациентов, чтобы собрать всё в одном? Операционную готовили без остановки.

Я сбросил залитый кровью халат и вышел из процедурной.

Там стояла молодая женщина лет двадцати с небольшим, она плакала, сжимая руки. Её ладони были в крови. Было ясно: она не отпускала руки умирающего мужчины всю дорогу в скорой.

— Э-э... Как оппа? Я говорила ему, что мы должны просто уйти...

— Где опекуны пациента?

— Я опекун.

— ...Что?

— Мы женаты. Мои родители уже едут, но они из провинции, так что придётся ждать несколько часов. Я подпишу всё, что нужно.

Подумав, что они просто молодая пара, я глубоко вздохнул и кивнул.

— Ему нужна срочная операция. Нет, он уже в операционной.

— Если ему сделают операцию, он выживет, да?

— Мы сделаем всё возможное, но...

Я намеренно оставил фразу незаконченной. Мы сделаем всё возможное, но что будет дальше — неизвестно.

— Пожалуйста, позаботьтесь о нём.

Я велел Чон Уилу получить подпись на согласии на операцию и немедленно присоединился к операции. В операционной царил хаос. Я забыл обо всём, что случилось сегодня, и сосредоточился только на том, чтобы спасти пациента.

Ему повезло. Этого пациента можно было назвать невероятно удачливым.

Обычно, когда остановка сердца случается после травмы, шансы на выживание стремительно падают — выжить почти невозможно. Но этот парень держался, будто у него были незаконченные дела в этом мире.

Всё ещё оставались переменные, но если состояние останется стабильным — есть надежда. Чхве Чжунхан подошёл ко мне, скрестив руки на груди, и посмотрел на пациента.

— Нужно объяснить с опекуном.

Я бессознательно пробормотал.

— Доктор Ли всё объяснил. А, и опекун сейчас госпитализирован.

— Почему?

— Упала в обморок. Оказалось, она на третьей неделе беременности. Но семья пациента приехала и всё хорошо объяснила. И есть ещё одна проблема.

— Какая?

Решить одну проблему — как решить сложную математическую задачу, только чтобы следом возникла другая. Когда я повернул голову, Чхве Чжунхан колебался, не зная, как сказать. Немного подумав, он заговорил:

— Тот, кто ударил пациента ножом, сейчас в приёмном покое.

— Что за чёрт, ты шутишь?

Я был так шокирован, что лицо покраснело, и я выругался. Медперсонал оглянулся, не зная, что происходит в тихой реанимации.

— Хён, успокойся.

— Этот пациент чуть не умер из-за этого ублюдка, и теперь он в нашей приёмной? Ты

серьёзно?

— Произошла путаница. Больница и полиция узнали об этом позже. Мы не можем просто выгнать его.

Моё лицо всё ещё горело. Мне хотелось спуститься и немедленно вышвырнуть этого типа. Врачи не должны вмешиваться в личные дела, а медицинская помощь должна быть беспристрастной. Даже если пациент, обратившийся за лечением, — убийца, это не меняет дела.

— Почему этот пациент в приёмном покое?

— Это всё, что я могу тебе сказать.

— Что значит?

— Профессор Ким поручил это мне. Он сказал, что ты взбесишься, если узнаешь, что преступник в приёмном покое, и, видя, как ты кипишь, похоже, он был прав. Лучше тебе отойти от этого пациента.

Услышав твёрдую позицию Чхве Чжунхана, я почесал голову под сбившейся хирургической шапочкой и опустил взгляд. Мои кроссовки были перепачканы неизвестно чьей кровью. Я поднял руки, сдаваясь.

— Надеюсь, ничего серьёзного не случится.

Увидев, что я сдался, выражение лица Чхве Чжунхана смягчилось.

— Я всё сделаю, чтобы тебе не пришлось волноваться.

Чхве Чжунхан спокойно сменил тему перед моим растерянным лицом. В кармане зазвонил телефон. Договорившись дежурить у пациента в реанимации по очереди, я спустился в травматологию по лестнице.

В травматологии наконец воцарился покой. Кроме нескольких репортёров, которые всё ещё торчали вокруг из-за шумихи в СМИ по поводу этого нападения, да нескольких звонков через мой номер — больше ничего не было. Интерес СМИ похож на кипящий котёл: как только внимание публики угасает, он тихо стихает.

Благодаря быстрым действиям Чхве Чжунхана пострадавший так и не узнал, что преступник находился в приёмном покое. Преступника перевели в соседнюю университетскую больницу через двадцать четыре часа, и инцидент тихо завершился.

Это было странно тоскливое предрассветное время. Сегодня я дежурил в приёмном покое. Хотя это были не критические пациенты, те, кому требовалось хирургическое лечение, в основном поступали в приёмный покой. Моя задача была заботиться о таких пациентах.

Врачи травматологической команды дежурили по очереди. Поскольку центр неотложки был недавно создан, и приёмный покой находился под ним, нагрузка по травматологическим пациентам на приёмный покой действительно уменьшилась.

Поступил пациент, которого ударили бутылкой соджу по голове во время пьяной драки. Я подумал отправить его в травматологию — там сейчас потише, но, услышав, что в травматологию поступает критический пациент, решил взять его сам.

КТ показала лишь лёгкие признаки сотрясения, больше ничего необычного. Как раз когда я был завален пациентами, требующими швов, я столкнулся с доктором Нам Джунхо, который быстро проходил мимо.

— О, доктор Нам. С тем пациентом с бутылкой соджу уже разобрались?

— Нет, ещё нет. Но, э-э, сейчас это трудно.

Доктор Нам, распределяя задачи в голове, пробормотал озадаченно.

— Я схожу.

— Точно? Тогда я буду благодарен.

Нам Джунхо склонил голову в благодарность и занялся своими делами. Попросив медсестру подготовить набор для швов, я подошёл к пациенту. Мужчина был пьян вдрызг, одежда порвана. Даже при том, что капельница работала на полную, он всё ещё бормотал что-то невнятное.

— Ну... я... ик, всё не так. Это он виноват. Он! А? Он мне это сделал! Понимаешь, о чём я? Я не такой человек!

Я молчал, делая вид, что не слышу его слов, и продолжал накладывать швы. К счастью, он только нёс бессвязную чушь, не проявляя особо агрессивного поведения.

— Давно этот пациент в приёмном покое?

— Не очень.

— Как это — не очень?

— Минут тридцать, наверное.

Медсестра нахмурилась, мол, какая разница. Я посмотрел на капельницу, входящую в тело пациента. Раствор в ней уменьшился больше чем наполовину. Обычно даже если человек напился до беспамятства, к этому времени он должен уже протрезветь.

— С этим пациентом не проводили никаких специальных анализов, да?

— Нет. Сказали, что подрался во хмелю, кидались бутылками соджу.

— А полиция?

— Не знаю.

Что-то было не так. Моя работа — не сыщик, но есть врачебное чутьё, которому нельзя не доверять. Я решил проверить карту пациента и встал. И тут я заметил что-то, застрявшее под койкой, на которой сидел пациент.

— Что это?

— Профессор, что вы делаете?

Я нагнулся под койку и протянул руку. В руках оказался довольно дорогой на вид дизайнерский пиджак.

Часы стоимостью в миллионы и дорогие туфли за сотни тысяч, которые обычный парень лет двадцати не осмелился бы носить, говорили о том, что моя странная интуиция может быть права.

Я сунул руку в карман его пиджака. Оттуда выпала зажигалка Zippo. На всякий случай я вытряхнул карманы, но больше ничего не нашёл.